

Е.Ю. Жарова
Брянск

О КОНФЛИКТАХ МЕЖДУ ПРОФЕССОРАМИ-БИОЛОГАМИ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: профессора-биологи, университеты, педагогические конфликты, конфликтные ситуации, зоологи, ботаники, история высшего образования.

АННОТАЦИЯ. Статья рассказывает о некоторых конфликтах между профессорами-биологами. Первая половина XIX века не отмечена конфликтами в связи с тем, что в университетах работал один профессор по каждой специальности, поэтому конфликта интересов в данном случае не существовало. Незначительные стычки, отраженные в воспоминаниях, связаны с недовольством адъюнктов действиями профессоров. Во второй половине XIX века на кафедрах биологического профиля было по два профессора (а иногда и больше), которые довольно часто конфликтовали между собой. Известны конфликты в Московском университете между зоологами и ботаниками, в Новороссийском университете между ботаниками, а также конфликты между ботаниками Казанского университета. Именно об этих конфликтах идет речь в статье.

E.Yu. Zharova
Bryansk

ABOUT CONFLICTS BETWEEN PROFESSORS IN BIOLOGY OF RUSSIAN UNIVERSITIES OF THE XIX – EARLY OF XX CENTURY

KEYWORDS: professors biologists, universities, pedagogical conflicts, conflict situations, zoologists, botanists, history of higher education.

ABSTRACT. The article tells about some of the conflicts between professors in biology. There weren't conflicts between professors at the first half of the XIX century because the universities had one professor in each specialty, so the conflict of interests did not exist. Memories have got evidence of unimportant affairs between professors and junior scientific assistants because junior scientific assistants were dissatisfied with the professors' actions. In the second half of the XIX century at the departments of biological profile there were two professors (and sometimes even more), which had often conflicts with each other. There were conflicts in Moscow University between zoologists and botanists, in Novorossiysk University between botanists, and also conflicts between botanists of Kazan University. The article is about these conflicts.

В качестве эпиграфа данной статьи вполне уместны слова профессора императорского Санкт-Петербургского университета В. М. Шимкевича о том, что «некоторая натянутость между представителями одной и той же кафедры в том же университете явление, можно сказать, почти всеобщее, но иногда эта натянутость переходит в прямо-таки враждебное отношение»².

Первая половина XIX века характеризуется таким явлением как «одна кафедра – один профессор», поэтому крупномасштабных конфликтов между представителями одной специальности в это время не наблюдалось, так как этими представителями были профессор и адъюнкт. Недовольство адъюнктов действиями профессоров, конечно же, присутствовало, но в связи с подчиненным положением адъюнктов, об этом можно узнать только благодаря воспоминаниям. Например, воспоминаниям М. А. Максимовича, который был адъюнктом при профессоре ботанике Московского университета И. А. Двигубском.

Он окончил университет в 1823 г. и, получив степень кандидата, остался работать при университетской библиотеке, а затем был назначен заведующим ботаническим садом, в помощь к болевшему профессору Г. Ф. Гофману. В 1826 г., после смерти Гофмана, из-за отсутствия у него магистерской степени, не смог занять кафедру ботаники, которая временно была поручена адъюнкту зооло-

---

¹ **Жарова Екатерина Юрьевна**, кандидат биологических наук, соискатель отдела историографии и источниковедения истории науки и техники, Институт истории естествознания и техники РАН; 241016, г. Брянск ул. Жиздринская, 29; e-mail: zharova_ekaterina@bk.ru.

Zharova Ekaterina Yurievna; Candidate of Biological Sciences, Applicant for the Department of Historiography and Source Study of the History of Science and Technology, Institute of the History of Natural Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, Bryansk, Russia.

© Жарова Е. Ю., 2019

² Шимкевич В. М. Н.П. Вагнер и Н.Н. Полежаев // ЖМНП. 1908. Ч. 16. № 5. С. 1.

гии, сыну профессора зоологии Г. И. Фишера, А. Г. Фишеру. Сам Максимович вспоминал, что Фишер просил его оставить кафедру ботаники его сыну, а ему стать адъюнктом зоологии: «Мне бы следовало принять это предложение. Зоология у меня шла постоянной спутницею ботаники. После обеда у знаменитого натуралиста, когда он мне предложил это, я просил его сделать все это мимо меня, не вызывая моего отречения от науки, которой я посвятил себя, и выразил удивление мое, что сын не наследует ни славы, ни богатых способов, стяжанных отцом по зоологии»¹.

Однако кафедра ботаники была передана ректору университета, профессору физики И. А. Двигубскому, и в 1827-28 учебном году было объявлено, что лекции по ботанике будет читать Иван Двигубский, которому вспомоществовать будет кандидат Михаил Максимович. Как иронично заметил сам Максимович, «это значило, что читать лекции будет кандидат Максимович, а получать жалованье по кафедре будет профессор и ректор Двигубский»².

Максимович вспоминал, что из-за своего отказа профессору Фишеру он получил в его лице недоброжелателя, к тому же довольно влиятельного, директора и вице-президента Московского общества испытателей природы, который ставил препоны молодому магистру, не допуская его к публичному чтению статей, например, во время торжественного собрания, посвященного приезду А. Гумбольда в Россию. Имел он напряженные отношения и с Двигубским, за которого ему приходилось выполнять работу. В автобиографии он описывает случай приезда министра народного просвещения князя Ливена в Москву, во время которого тот захотел послушать лекции в университете и зашел на лекцию Двигубского. Профессор попытался читать лекцию по запискам Максимовича, но оконфузился и начал спрашивать студентов, привыкших к живым растениям, по своим рисункам. Студенты отвечали невпопад, в результате чего профессор рассердился и выразил свое неудовольствие преподавательскими способностями Максимовича при студентах. Максимович побелел, но начал читать лекцию за Двигубским, который вновь сделал ему замечание о том, что тот использует новомодные термины. «Это из вашей ботаники, – сказал я со смирением так, что студенты захохотали, – и мой профессор вышел из аудитории...»³, – вспоминал Максимович.

Только в октябре 1829 г. министр утвердил Максимовича адъюнктом, причем без жалованья, так как он был сверхштатным адъюнктом. В 1832 г. после пяти лет безвозмездного чтения лекций за И. А. Двигубского М.А. Максимович был избран экстраординарным профессором ботаники, но не утвержден министром народного просвещения из-за превышения числа штатных мест. Лишь в 1833 г. после блестящей лекции, на которой присутствовал С.С. Уваров, Максимович получил место ординарного профессора вместо уволенного на пенсию Двигубского. Но к тому моменту сам Максимович уже был не рад этому назначению, он ослеп на правый глаз, похоронил мать, которая должна была переехать к нему в Москву. Большим облегчением оказалось для него открытие университета в Киеве, где он занял место профессора русской словесности и стал его первым ректором. А профессором ботаники в Московском университете стал А. Г. Фишер фон Вальдгейм.

Если первая половина XIX века отмечена скорее недовольством, чем открытыми конфликтами среди представителей одной специальности, то вторая половина XIX века характеризуется их значительным усилением. Связано это с тем, что было увеличено количество кафедр, благодаря чему в университетах появилось несколько профессоров одной специальности.

Один из самых известных конфликтов профессоров-биологов – это конфликт трех зоологов Московского университета. А. П. Богданов, С. А. Усов и Я. А. Борзенков были учениками К. Ф. Рулье в 1850-е гг. В 1858 г. К. Ф. Рулье неожиданно скончался, и адъюнктом кафедры зоологии был назначен А. П. Богданов. В 1858 г. Я. А. Борзенков был оставлен для подготовки к профессорскому званию. В 1860 г. он был назначен адъюнктом по кафедре сравнительной анатомии и физиологии. С. А. Усов пришел в Московский университет позже остальных, хотя и был связан с ним участием в таких проектах, как Общество акклиматизации животных и растений, зоологический сад.

Конфликт между А. П. Богдановым и другими зоологами естественного отделения, как вспоминал А. Н. Северцов, был вызван «в значительной степени личными свойствами характера А. П. Богданова и С. А. Усова и Я. А. Борзенкова»⁴. Ученик А. П. Богданова Н. Ю. Зограф так писал о напряженных отношениях трех зоологов Московского университета: «... к 1863 году в этой дружной группе⁵ энергичных, полных самых добрых чувств и намерений молодых учёных произошёл разрыв.

¹ Максимович М. А. Автобиография // Киевская старина. 1904. Т. 86. Кн. 3. С. 332.

² Там же.

³ Там же. С. 334.

⁴ Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 467. Оп. 2. Д. 3. Л. 47 об.

⁵ Группа молодых биологов сформировалась при организации комитета акклиматизации, а затем и зоологического сада, и включала помимо трех учеников Рулье С. А. Маслова, И. Н. Шатилова и Н. И. Анненкова.

Я до сих пор не могу понять причины этого разрыва, который, к сожалению, разделил друзей на всю жизнь, отозвался даже на отношениях между созданными ими школами. По-видимому, это дело опытных и ловких людей, игравших на самолюбии молодых, увлекающихся деятелей, и сумевших на всю жизнь разделить учеников Рулье на две партии, причём на одной стороне стоял А. П. Богданов, на другой – С. А. Усов и Я. А. Борзёнков»¹.

Д. Н. Анучин указывал на обиду А. П. Богданова на С. А. Усова из-за назначения того заведующим зоологическим садом, в то время как Богданов был инициатором его открытия². В конфликт были вовлечены даже студенты, которые, зная о противостоянии двух партий, и после смерти Усова и Борзенкова, непочтительно называли учеников Богданова «макаками»³. С. А. Усов из-за напряженных отношений с Богдановым «никогда не обращался в университетский Зоологический музей, которым ведал Богданов, и даже не пользовался его коллекциями при своих учениях в университете, хотя последние терпели от этого ущерб»⁴. В свою очередь А. П. Богданов всех своих учеников отправлял защищать магистерские диссертации в другие университеты, опасаясь осложнений в Москве. Его ученик В. М. Шимкевич вспоминал, что А. П. Богданов «категорически требовал, чтобы мы, его ученики, магистривали не в Московском, а в других университетах»⁵.

А. П. Богданов имел «большие связи в Министерстве просвещения»⁶, поэтому открыто на конфликт с ним никто не шел, хотя все знали о натянутых отношениях среди зоологов Московского университета. А. П. Богданов был настолько влиятелен, что в конце XIX века его ученики занимали профессорские кафедры в разных университетах Российской империи (Н. Ю. Зограф, А. А. Тихомиров в Москве, П. И. Митрофанов в Варшаве, Н. В. Насонов в Варшаве, затем в Киеве, В. М. Шимкевич в Петербурге). Помогая своим ученикам по службе, А. П. Богданов мог также лишиться возможности построения карьеры. Конфликт с Богдановым его ученика В. А. Вагнера лишил последнего возможности получения штатного профессорского места в российских университетах. Он был вынужден уехать из Москвы в Петербург, где работал в частных учебных заведениях – Психоневрологическом институте, Женском медицинском институте.

О конфликте Богданова и Вагнера рассказывал Б. Е. Райков, который был знаком с последним. Причиной послужило то, что В. А. Вагнер, «будучи философствующим моралистом, стал критиковать некоторые мероприятия Богданова, считая их неправильными с принципиальной точки зрения. Последний старался убедить его в необходимости идти в известных случаях на компромиссы ради успеха общественных начинаний, но Вагнер не сдавался. Я видел у Вагнера фотографический портрет Богданова с такой надписью: «Будет Вам сердиться, приходите завтра обедать». Дело кончилось полным разрывом, после чего двери всех учреждений в Москве, где Вагнер мог бы заниматься по предмету своей специальности, оказались для него закрытыми, и ему пришлось на время ограничиться преподаванием в средней школе, а свои опыты и наблюдения по сравнительной психологии животных ставить на дому, без лаборатории»⁷. Окончательно разругавшись со своим учителем, Вагнер принял участие в агитации против Богданова, у которого имелось достаточное число недоброжелателей, не одобрявших некоторых сторон его деятельности. Среди них был К. А. Тимирязев, человек «язвительный, с чрезвычайным самомнением»⁸, не стеснявшийся «выносить сор из избы». В своей брошюре «Пародия науки» (1891) он критиковал некоторые начинания Зоологического сада, распорядителем которого в то время был Богданов, считая их мерами для привлечения публики, а не распространения науки. Вагнер принимал участие в распространении этой брошюры Тимирязева, более того, передал ее А. П. Чехову, который был его соседом, и который, в свою очередь, написал на его основе фельетон «Фокусники».

¹ Зограф Н. Ю. Отрадная страница из истории русской науки. Анатолий Петрович Богданов // Зоологические исследования. 2015. № 18. С. 45.

² Анучин Д. Н. О людях русской науки и культуры (статьи, некрологи и заметки). М.: Гос. изд-во географической литературы, 1950. С. 226.

³ Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917) / сост. Ю. Н. Емельянов. М.: Современник, 1989. С. 576.

⁴ Райков Б. Е. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. Материалы к истории эволюционной идеи в России: в 4 т. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 4. С. 258.

⁵ Шимкевич В. М. Н.П. Вагнер и Н.Н. Полежаев // ЖМНП. 1908. Ч. 16. № 5. С. 1.

⁶ Зоотомический кабинет (Кафедра зоологии беспозвоночных) Санкт-Петербургского университета: к 140-летию основания. М.: Товарищество науч. изд. КМК, 2011. С. 64.

⁷ Райков Б. Е. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. Материалы к истории эволюционной идеи в России: в 4 т. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 4. С. 436.

⁸ Зернов В. Д. Записки русского интеллигента. М.: Индрик, 2005. С. 121.

Касаясь личности К. А. Тимирязева, отметим, что, несмотря на свои несомненные заслуги в области физиологии растений, человек он был неуживчивый, в некотором роде правдоруб и правдолюб, формально борющийся за чистоту науки, но иногда переходивший на личности. Н. К. Кольцов после посещения заседания Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии 16 октября 1894 г. записал в своем дневнике неприятное впечатление от речи Тимирязева, который критиковал И. П. Бородину не потому, что тот был виталистом, а потому, что лично не любил последнего¹.

Иногда К. А. Тимирязев, следуя своим убеждениям, шел против корпорации. В Московском университете, где работал Тимирязев, вторым профессором ботаники был И. Н. Горожанкин. В качестве преемника он видел своего ученика М. И. Голенкина, который защищал докторскую диссертацию в Московском университете в 1904 г. При голосовании в совете физико-математического факультета о допущении диссертации к защите несколько профессоров высказалось против, в том числе К. А. Тимирязев, который считал, что она не удовлетворяет диссертации на степень доктора. «Во что превратится, не говорю наука, – науки подобные произведения не касаются, – но во что превратится университетское преподавание, если подобные произведения будут официально признаваться за науку, а их авторы этим открывать себе путь на университетские кафедры»², – возмущался он.

Несмотря на возражения М. И. Голенкин все же защитил докторскую диссертацию, а после смерти И. Н. Горожанкина в 1904 г. занял и место профессора. При этом профессора, голосовавшие за избрание Голенкина, в качестве основного аргумента называли желание покойного профессора. Для решения конфликта с избранием Голенкина, профессор М. А. Мензбир обращался за мнением к профессорам в Петербург. Академик А. С. Фаминицын ответил, что обличающая статья Тимирязева³ о диссертации Голенкина вовсе не является достаточной для отказа Голенкину в месте. Другой академик, И. П. Бородин писал, что Голенкин прошел замечательную школу, трудолюбив и добавил, что «есть полное основание полагать, что он будет хорошим профессором. Лекторские способности его, правда, мне неизвестны, но при современном кризисе лекционной системы они имеют лишь второстепенное значение»⁴.

Существенный конфликт между профессорами-ботаниками был и в Новороссийском университете. Речь идет о Л. А. Ришави и Ф. М. Каменском. Оба они появились в Новороссийском университете в 1880-е гг., Ришави – в 1884 г., Каменский – в 1886 г. И уже с первой встречи отношения между ними оказались очень натянутыми, если не сказать, враждебными. В одном из рапортов, написанных в факультет с жалобами на поведение Л. А. Ришави, Ф. М. Каменский описал начало конфликта: «Спустя несколько дней после моего приезда в Одессу и вступления в должность в качестве приват-доцента ботаники, я обратился с просьбой к Ришави одолжить мне на короткое время библиотечную книгу Goebel'a, имеющуюся у г. Ришави. Несмотря на повторение несколько раз моей просьбы, она не была удовлетворена. Прошло две, три недели и не получая желаемой и необходимой для лекций книги, я обратился к консерватору К. Бородину, как знающему лучше меня местные обычаи, за советом – каким образом можно получить желаемую книгу. Бородин сообщил мне, что желаемая книга лежит на столе в комнате Ришави, и, что если я желаю пользоваться ею в кабинете, то могу взять ее и потом опять положить на место. Не находя в этом ничего вообще противоречащего принятым в лабораториях обычаям, я в присутствии служителя взял книгу и спустя полчаса положил ее на стол Ришави. Ришави нашел, однако ж, в моем поступке в такой степени необычайное преступление, что решился позвать меня к себе в кабинет и там же в словах, которые благовоспитанный человек не позволил бы себе даже в отношении к подчиненному, самым резким образом сказал мне, чтобы я не смел входить без его разрешения в его комнату, что если подобный случай еще раз повторится, то Ришави прикажет служителю не впускать меня в кабинет, а если и это не поможет, то тогда Ришави должен будет прибегнуть к другим средствам, и погрозил мне при этом револьвером, находящимся в ящике стола»⁵.

Здесь следует сказать, что Ф. М. Каменский, судя по оставленной им переписке с факультетом, был человеком склочным и склонным к преувеличению, поэтому вряд ли следует принимать за чистую монету его упоминание о револьвере в ящике стола Л. А. Ришави. Но бесспорным остается тот факт, что с этого момента профессора не могли терпеть друг друга. В архиве Новороссийского университета остались свидетельства крупных стычек между профессорами, которые разбирались в факультете и даже доходили до министра народного просвещения. Каковы же были их обычные будни

¹ АРАН. Ф. 480. Оп. 2. Д. 2. Л. 151.

² Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГАМ). Ф. 418. Оп. 461. Д. 45. Л. 33 об.

³ Тимирязев К. А. Каким требованиям должны удовлетворять диссертации на степень доктора: По поводу дис. прив.-доц. М. Голенкина: Морфологические и экспериментальные исследования над печеночниками. М.: типолит. т-ва И.Н. Кушнерев и К^о, 1904. 12 с.

⁴ Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГАМ). Ф. 418. Оп. 461. Д. 45. Л. 28.

⁵ Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф. 45. Оп. 8 (1889). Д. 64. Л. 14 об.-15.

мы, к сожалению, не знаем, так как ни один из них не оставил воспоминаний. Однако, можно предположить, что натянутые отношения оставались натянутыми еще и по той причине, что оба профессора ботаники работали в одной лаборатории, так как в Новороссийском университете был только один ботанический кабинет, а не два, как это было принято в других университетах. В 1893 г. попечитель Одесского учебного округа Х. П. Сокольский, желая прекратить конфликт двух профессоров, решил разделить ботанический кабинет между двумя ботаниками¹. А министр народного просвещения И. Д. Делянов указал профессорам на то, что в случае продолжения препирательств он попросит их покинуть университет.

После разделения коллекций ботанического кабинета профессор Ф. М. Каменский не допускал профессора Л. А. Ришави к своим гербариям, поэтому последний не мог нормально читать подготовительный курс ботаники. Более того, так как Л. А. Ришави появился в Новороссийском университете раньше Ф. М. Каменского, то заведующим ботаническим садом оказался он, что, судя по всему, вызвало особое раздражение Каменского, ведь именно профессор систематики растений обычно заведовал ботаническим садом, а не профессор анатомии и физиологии растений, каковым был Л. А. Ришави. В конце концов, Ф. М. Каменский добился передачи в свое заведование большей части ботанического сада. Однако министерство народного просвещения нашло такой порядок вещей ненормальным и постановило передать весь сад Ф. М. Каменскому, как профессору систематики, в 1894 г.

После передачи сада профессор Л. А. Ришави не мог не высказать своего мнения по поводу того, как профессор Ф. М. Каменский распоряжается в саду. В 1896 г. он вместе с городским садовником осмотрел сад и пришел к выводу, что «прежней системы не существует более, что группы травянистых многолетних растений уничтожены и заросли сорной травой; прекрасные экземпляры хвойных деревьев в числе многих десятков отсутствуют: судя по оставшимся следам, они выкопаны; точно также отсутствуют 8 кленов, входивших в состав аллеи, параллельной мало-фонтанской дороге»². Застав в своем теперь саду профессора Л. А. Ришави, Ф. М. Каменский попросту выгнал его, назвав его присутствие неудобным. О том, что Ф. М. Каменский оказался не очень хорошим заведующим ботаническим садом, выяснилось позже, поэтому факультет в 1896 г. признал ведение хозяйства в саду несоответствующим учебным и научным целям. В дело вновь вмешался попечитель и министерство народного просвещения, и в 1897 г. министерство направило в Одессу профессора ботаники Варшавского университета В. И. Беляева.

В. И. Беляев осмотрел сад и пришел к выводу об отсутствии корыстных мотивов у Каменского, но подтвердил, что последний решил сменить систему своего предшественника Ришави, не имея при этом достаточных средств, для этих целей Каменский вырыл благополучные деревья, часть из которых погибла, кроме того в вину Каменскому было поставлено отсутствие отчетности по саду³. Вначале было решено составить инструкцию для Каменского, которую тот должен был точно исполнять, однако этого не произошло. И в 1898 г. заведование сада было передано сначала профессору В. М. Петриеву, а затем декану факультета Е. Ф. Клименко.

В 1901 г. Новороссийский университет даже предложил перевести Каменского в другой университет, чтобы получить профессора, «коему можно было бы поручить заведование садом»⁴. Однако из-за отсутствия вакансий министерство ответило отказом. В 1903 г. Каменский писал в министерство с просьбой вернуть ему заведование садом, на что министр дал свое согласие в 1904 г., и в 1905 г. Каменскому вернули заведование⁵. Однако состояние сада не улучшилось, так как профессор Каменский пользовался им для получения средств от продажи цветов.

В общей сложности университет получил⁶ 982 руб. 29 коп. за 5 лет, с 1908 по 1912 г., при этом сад пришел в плачевное состояние, что было выявлено при ревизии университетского хозяйства в 1913 г., через год после смерти профессора Каменского: «От ботанического сада, благодаря хищнической его эксплуатации для выгонки хризантем и других подобных им цветов для продажи осталось одно наименование. Торговля этими цветами, которым не ведется никакого учета, не только ничего не приносит университету, но грозит окончательной гибелью тем несчастным остаткам растений, какие еще сохранились в донельзя запущенной оранжерее сада»⁷.

¹ ГАОО. Ф. 45. Оп. 8 (1893). Д. 58. Л. 1-1 об.

² ГАОО. Ф. 45. Оп. 8 (1893). Д. 58. Л. 257-257 об.

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 153. Д. 154. Л. 20 об.-21.

⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 898. Л. 416 об.

⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Д. 154. Л. 23 об.

⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 898. Л. 390.

⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 896. Л. 18 об.-19.

Судя по тому, что произошло с садом, а также другим свидетельствам не очень честного поведения Ф. М. Каменского (в 1907 г. он даже вышел в отставку из-за того, что открылся факт невозвращения им ботанических коллекций Берлинскому ботаническому музею, которые были предоставлены ему еще в 1888 г.¹), в конфликте пострадавшей стороной следует признать профессора Л. А. Ришави.

Довольно натянутые отношения между ботаниками были и в Казанском университете. Опасаясь конкуренции со стороны магистров, профессор иногда показывал себя не с лучшей стороны. Например, профессор ботаники Н. Ф. Леваковский, который считается учителем С. И. Коржинского, сыграл свою роль в уходе последнего в Томский университет в 1888 г., после получения степени доктора.

В 1887 г. С. И. Коржинский писал своему другу П. Н. Крылову, который сам в 1885 г. перешел из Казанского университета в Томский, о попытках получить приват-доцентуру: «Отношения мои к профессории плохи, очень плохи. Штукенберг с своей сворой устраивает генеральную травлю, и число моих недругов растет не по дням, а по часам. Леваковский, подлая душа, до последнего времени играл в темную (и нашим и вашим), а теперь перешел в открыто-враждебные отношения, заявивши, между прочим, в факультете, когда рассматривалось мое прошение о зачислении в приват-доцентуру, свое удивление, что я, будучи еще профессорским стипендиатом, желаю быть приват-доцентом по предмету, по которому никогда не готовился (это по систематике и по ботанической географии). Чтобы оценить вполне это искариотство, надо знать, что еще недели за две до этого он мне советовал убедительно открыть курс систематики и ботанической географии. Так-то. А мне черт их дерит. Я держу свою линию и меня с позиций они не выбьют. Хотя все-таки жизнь мою своими придирками и инсинуациями, злословием и пр. они порядочно-таки отравили, и я с великим бы удовольствием куда-нибудь удрал из Казани. Интересно, какой будет результат этой истории, в виду ее полной аналогии с Вашей, заставившей Вас удрать к черту на куличики»².

Таким образом, конфликты среди профессоров-биологов были достаточно распространенным явлением. Вероятно то, что мы знаем сегодня – это только вершина айсберга, и многие конфликты оказались сглажены или даже забыты со временем. Однако следует признать тот факт, что они не только влияли на преподавание тех или иных дисциплин, но оказали решающее влияние на судьбу и профессиональную карьеру некоторых ученых-биологов.

Источники и литература:

- Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 467. Оп. 2.
Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф. 45. Оп. 8 (1889).
Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (ПФА РАН). Ф. 67. Оп. 2.
Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 153.
Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГАМ). Ф. 418. Оп. 461.
Анучин Д. Н. О людях русской науки и культуры (статьи, некрологи и заметки). М.: Гос. изд-во географической литературы, 1950. 335 с.
Волков В. А., Куликова М. В. Российская профессура XVIII – начало XX в. Биологические и медико-биологические науки. Биографический словарь. СПб.: Изд-во РХГИ, 2003. 544 с.
Зернов В. Д. Записки русского интеллигента. М.: Индрик, 2005. 398 с.
Зограф Н. Ю. Отрадная страница из истории русской науки. Анатолий Петрович Богданов // Зоологические исследования. 2015. № 18. С. 39-63.
Зоотомический кабинет(Кафедра зоологии беспозвоночных) Санкт-Петербургского университета: к 140-летию основания. М.: Товарищество науч. изд. КМК, 2011. 285 с.
Максимович М. А. Автобиография // Киевская старина. 1904. Т. 86. Кн. 3. С. 323-344.
Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917) / сост. Ю. Н. Емельянов. М.: Современник, 1989. 734 с.
Райков Б. Е. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. Материалы к истории эволюционной идеи в России: в 4 т. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 4. 678 с.
Тимирязев К. А. Каким требованиям должны удовлетворять диссертации на степень доктора: По поводу дис. прив.-доц. М. Голенкина: Морфологические и экспериментальные исследования над печеночниками. М.: типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К^о, 1904. 12 с.
Шимкевич В. М. Н.П. Вагнер и Н.Н. Полежаев // ЖМНП. 1908. Ч. 16. № 5. С. 1-18.

¹ Волков В. А., Куликова М. В. Российская профессура XVIII – начало XX в. Биологические и медико-биологические науки. Биографический словарь. СПб.: Изд-во РХГИ, 2003. С. 217-218.

² Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (ПФА РАН). Ф. 67. Оп. 2. Д. 122. Л. 5.